

**Е.Б. Пучкова¹, Е.И. Чердымова²,
Е.А. Сорокоумова¹, Д.Д. Зайцева³**

¹ Московский педагогический государственный университет,
119435 г. Москва, Российская Федерация

² Самарский национальный исследовательский университет
имени академика С.П. Королева,
443011, г. Самара, Российская Федерация

³ Школа № 1279 «Эврика»,
117149 г. Москва, Российская Федерация

Когнитивно-личностные предикторы кибербуллинга

В последнее время в развивающемся информационном обществе с увеличением всевозможного рода информации увеличивается и количество негативных воздействий виртуальной среды. Процессы, происходящие в результате виртуального коммуницирования между людьми и группами людей, помимо положительных сторон, имеют и негативные факторы, влияющие не только на конкретного человека, но и на систему отношений в целом. Особое внимание следует уделить кибербуллингу. По своему характеру он является наиболее распространенной в наше время онлайн-угрозой, которая влияет не только на личность человека, но и на его когнитивную сферу. Целью проведенного исследования стал анализ особенностей когнитивной сферы (эмоционального интеллекта) у жертв кибербуллинга и буллеров. В качестве выборки испытуемых выступили 80 студентов разного пола в возрасте от 18 до 25 лет, обучающиеся по программам бакалавриата, магистратуры и специалитета. Доказано, что в зависимости от специфики виртуальной коммуникации и особенностей субъектов меняются формы кибертравли. Определены следующие наиболее используемые формы кибертравли: интимная информация, шантаж, домогательства, флейминг, хейтинг. Выявлено, что целями кибертравли со стороны буллеров являются: развлечение, личный интерес и самоутверждение.

© Пучкова Е.Б., Чердымова Е.И., Сорокоумова Е.А., Зайцева Д.Д., 2024



Контент доступен по лицензии Creative Commons Attribution 4.0 International License
The content is licensed under a Creative Commons Attribution 4.0 International License

Ключевые слова: психологическое развитие студента, кибертравля в студенческой среде, актуальные особенности кибербуллинга, виртуальная коммуникация, негативное влияние социальных сетей, буллер, когнитивная сфера

ССЫЛКА НА СТАТЬЮ: Когнитивно-личностные предикторы кибербуллинга / Е.Б. Пучкова, Е.И. Чердымова, Е.А. Сорокоумова, Д.Д. Зайцева // Педагогика и психология образования. 2024. No. 4. Рр. 133–150. DOI: 10.31862/2500-297X-2024-4-133-150

DOI: 10.31862/2500-297X-2024-4-133-150

**E.B. Puchkova¹, E.I. Cherdymova²,
E.A. Sorokoumova¹, D.D. Zaitseva³**

¹Moscow Pedagogical State University,
Moscow, 119435, Russian Federation

²Samara National Research University,
Samara, 443011, Russian Federation.

³School No. 1279 “Eureka”,
Moscow, 117149, Russian Federation

Cognitive and personal predictors of cyberbullying

Recently, in the developing information society, with an increase in all kinds of information, the number of negative impacts of the virtual environment has also increased. In addition to the positive aspects, the processes that occur as a result of virtual communication between people and groups of people also have negative factors that affect not only a particular person, but also the relationship system as a whole. Special attention should be paid to cyberbullying. In nature, it is the most common online threat in modern times, which affects not only a person's personality, but also their cognitive sphere. The purpose of the study was to analyze the characteristics of the cognitive sphere (emotional intelligence) in victims of cyberbullying and bullies. The sample of subjects was 80 students of different genders aged 18 to 25 years, studying in undergraduate, master's and specialist programs.

It has been proven that depending on the specifics of virtual communication and the peculiarities of the subjects, the forms of cyberbullying are varied. The following most used forms of cyberbullying have been identified: intimate information, blackmail, harassment, flaming, and hating. It was revealed that the goals of cyberbullying on the part of bullies are entertainment, personal interest, and self-assertion.

Key words: psychological development of a student, cyberbullying in a student environment, current features of cyberbullying, virtual communication, negative impact of social networks, bully, cognitive sphere

CITATION: Puchkova E.B., Cherdymova E.I., Sorokoumova E.A., Zaitseva D.D. Cognitive and personal predictors of cyberbullying. *Pedagogy and Psychology of Education*. 2024. No. 4. Pp. 133–150. (In Rus.). DOI: 10.31862/2500-297X-2024-4-133-150

Введение

Интернет-среда является платформой, в которой человек может максимально полно удовлетворить свои потребности в получении информации и в коммуникации. Вместе с тем, как реальная коммуникация, так и виртуальная могут иметь негативные последствия, с которыми часто сталкиваются люди [21; 23]. Важной социальной проблемой во всем мире является кибербуллинг или так называемая интернет-травля [12; 20; 22].

Авторы определяют кибербуллинг как отдельное направление и вместе с тем подчеркивают важные черты кибербуллинга: систематичность, целенаправленность, а также конкретизация инструмента травли. Интернет-травля может осуществляться посредством социальных сетей, мессенджеров, электронной почты, видеопорталов и других информационных интернет-ресурсов [11; 18; 19].

Наиболее популярными среди пространства кибербуллинга являются социальные сети и мессенджеры. Остановимся на них поподробнее.

Социальная сеть представляет собой веб-сайт, который пользователь может применять для организации социальных взаимоотношений в Интернете. В последнее время к социальным сетям присоединились мессенджеры, также являющиеся пространством для индивидуального и группового общения между людьми. Актуальность данных платформ может характеризоваться следующими особенностями:

– широкий спектр технических возможностей социальных сетей: речь идет о том, что помимо организации общения, человек имеет доступ

- к видеохостингу, потоку аудиозаписей, облачному хранилищу, видео- и аудиозвонкам, и разного рода развлекательных сервисов (игры, приложения, подарки и так далее);
- отсутствие барьеров в общении;
 - самопрезентация: социальных сетях могут регистрироваться люди с любой точки планеты, поэтому платформа представляет пространство для межнациональной коммуникации; любой человек, имеющий аккаунт в социальных сетях, может вести свой блог, делиться своим мнением и информацией;
 - собирать аудиторию и в некоторых случаях получать монетизацию (процесс конвертации продуктов или товаров в денежные средства).
- Эти возможности делают социальные сети популярными среди людей искусства, музыки, кино, науки, и просто тех, кому интересна какая-либо область знаний.

Перечисленные характеристики данных платформ делают их популярными и удобными для людей разной возрастной категории [16]¹. Широкое распространение социальных сетей и мессенджеров помимо положительного влияния на процесс межличностной и межгрупповой коммуникации в виртуальном пространстве привело к возникновению такого негативного социального явления, как кибербуллинг [23]. Психологические особенности данного феномена выражаются в систематичности, выраженной агрессивности, неравенстве сил между жертвой и преследователем. Наиболее важные черты кибербуллинга: анонимность, отсутствие обратной связи, непрерывность.

Названные черты кибербуллинга являются основополагающими для выделения психологических и эмоционально-поведенческих особенностей субъектов кибербуллинга. Рассмотрим их подробнее:

- анонимность (данная особенность интернет-травли позволяет преследователю оставаться инкогнито, делая жертву более уязвимой перед агрессором. Отсутствие информации о преследователе может существенно повлиять на личность жертвы через тревожность, снижение чувства безопасности, снижения самооценки);
- непрерывность (в отличие от реальной травли, кибератаки могут совершаться в любое время суток и быть звеном бесчисленной цепочки дальнейших нападков на жертву со стороны других пользователей. Такой травмирующий опыт для жертвы очень опасен и может приводить к разного рода негативным последствиям);

¹ См. также: Медиапотребление россиян: мониторинг // ВЦИОМ. URL: <https://wciom.ru/analytical-reviews/analiticheskii-obzor/mediapotrebienie-rossijan-monitoring> (дата обращения: 11.10.2023).

– отсутствие обратной связи (коммуникация в интернете, как и коммуникация в реальном мире, предполагает двусторонний процесс обмена информацией. При кибербуллинге двусторонность явления нарушается, человек не может ответить агрессору, т.к. он остается анонимным. Поэтому жертва может воспринимать травлю как полную потерю возможностей для дальнейшей коммуникации не только в Интернете, но и в реальной жизни).

В ролевой структуре принято разделять субъектов кибербуллинга на жертв, буллеров и наблюдателей. Также некоторые исследователи берут в амбивалентную роль жертв-агрессоров, при которой человек, подвергавшийся ранее травле (виртуальной или реальной), становится агрессором. В нашем исследовании речь будет идти о жертвах и буллерах. Помимо этого, проанализировав отечественные и зарубежные публикации, а также некоторые интернет-источники, были выделены основные характеристики субъектов кибербуллинга.

Агрессоры (буллеры), как правило, рассчитывая на анонимность, не предполагают несение ответственности за собственные действия. Такое поведение получило название «феномен социального растормаживания» и характеризуется тем, что люди, не опасаясь потенциального наказания в силу определенных обстоятельств (анонимность), позволяют себе действовать гораздо провокационнее и опаснее, нежели в обычной жизни, где в силу социальных норм несут ответственность за поступки и высказывания [3; 4; 6].

Говоря о виктимности и виктимизации, которым уделяется большое внимание в разных психологических исследованиях, невозможно не упомянуть данную проблему в аспекте изучения личности жертв кибербуллинга. Важно отметить, что перечисленные черты делают личность уязвимой к негативному виртуальному воздействию. Например, у личности может наблюдаться интересный феномен – феномен цифрового повреждения, заключающийся в преднамеренном и анонимном размещении в виртуальном пространстве причиняющего себе вред контента. Помимо этого, жертвы кибербуллинга имеют определенный репертуар копинг-стратегий, в числе которых дистанцирование (блокировка от ресурса, где произошла враждебная ситуация), а также обращение за помощью к близким.

В настоящее время существует большое количество исследований, каждое из которых концентрируется на определении возможных причин кибертравли, причем исследователи абстрагируются от личностных факторов и факторов виртуальной и реальной среды, рассматривая лишь характеристики [2; 7; 23]. Также следует отметить, что риск оказаться жертвой кибербуллинга в большинстве случаев коррелирует

с ментальным здоровьем жертвы, что в свою очередь усугубляет эмоциональное состояние и формирует неадекватное поведенческое реагирование на подобную стрессовую ситуацию.

Несомненно, с явлением кибертравли имеется определенная взаимосвязь эмоционального интеллекта, который представляет собой некий навык замечать свои и чужие эмоции и желания и в связи с намеченными целями управлять ими. Развитие данного навыка требует не только внутреннего человеческого ресурса, но и создания и распространения специальных программ и методов. Использование эмоционального интеллекта позволяет человеку адекватно и рационально управлять различными межличностными взаимодействиями, эффективно решать практические задачи [1; 8; 13]. На сегодняшний день эмоциональный интеллект – один из важнейших факторов управления межличностными отношениями [5; 10].

Эмоциональный интеллект как *soft skills* представляет собой изменяющуюся систему, которую можно развивать и изменять с помощью определенных методов и инструментов [14; 15].

Материалы и методы

В качестве испытуемых в исследовании выступили 80 разнополых студентов высших учебных заведений, в возрасте от 18 до 25 лет. Рассмотрим основные черты студента на различных курсах обучения.

Психологическое развитие студента – достаточно диалектический процесс разрешения противоречий, перехода от внешнего во внутреннее, а также активное самосовершенствование.

Можно отметить, что развитие личности студента идет в ряду следующих направлений:

- совершенствуются высшие психические процессы;
- развивается чувство долга за успех в профессиональной деятельности, а также более четко прослеживается индивидуальность студента;
- формируется уровень притязания личности студента в области своей будущей профессии;
- повышается мотивация к развитию тех навыков и качеств, которые позволят студенту в будущем стать компетентным специалистом;
- на основе интенсивного принятия социального и профессионального опыта растут опыт и зрелость индивида.

В познавательной деятельности студента в данном возрастном периоде отмечается максимум в развитии высших психических функций: мышление, память, внимание, восприятие, речь, эмоции и чувства.

Поэтому данный период можно считать благоприятным для обучения и профессиональной подготовки. Преобладающей формой мышления является абстрактно-логическая. Помимо развития мыслительных процессов формируется обобщенная картина мира, устанавливаются более глубокие связи между явлениями реальности. Для студенческого возраста характерны способность к активному слушанию, устойчивость внимания, развитое воображение, которое позволяет дать конкретное представление о предметах и явлениях, описываемых на лекционных занятиях, высокий уровень словесно-логической памяти, склонность к размышлениям, рассуждениям, поиску решения научных проблем, например, при написании курсовых работ, посещении лабораторных и семинарских занятий.

Были использованы следующие методы исследования.

1. Психологическое тестирование с помощью психодиагностических методик:

- опросник рефлексивности А.В. Карпова (измеряет личностную рефлексивность) [9];
- тест оценки эмоционального интеллекта (ЭМИн) Д.В. Люсина [17]; данная психодиагностическая методика опирается на авторскую модель эмоционального интеллекта и позволяет определить, насколько у человека развиты такие характеристики, как способность к пониманию и управлению эмоциями, определение эмоций других людей, а также их влияния на окружающих.

2. Анкетирование с помощью авторского опросника «Особенности виртуального поведения в социальных сетях». Метод позволяет получить данные, касающиеся возможной ролевой позиции в виртуальном пространстве «буллер–жертва», выявить отношения респондентов к данному феномену, получить данные об особенностях коммуникации в социальных сетях, а также позволяет сделать выводы о некоторых личностных параметрах, например, наличия у испытуемых виктимности, агрессивности, тревожности, выбор копинг-стратегии в критической ситуации. Опросник состоит из 17 вопросов и разделен на следующие части: общие вопросы для всех респондентов, вопросы для жертв кибербуллинга, вопросы для буллеров кибербуллинга.

Математическая обработка данных проводилась с помощью коэффициента линейной корреляции Спирмена для поиска значимых взаимосвязей и U-критерия Манна–Уитни для поиска значимых различий.

В данном исследовании корреляционный анализ и оценка различий между непараметрическими выборками выполнялись с помощью программы IBM SPSS Statistics.

Результаты исследования

Характеризуя общую осведомленность испытуемых-жертв и испытуемых-буллеров, были предложены вопросы о мерах защиты и их эффективности. Отметим, что лишь 30% испытуемых-жертв считают меры действенными. К числу предпринимаемых мер относятся двухфакторная аутентификация, закрытый доступ к профилю в социальных сетях, использование VPN. Говоря о виртуальной безопасности испытуемых-буллеров, лишь 6% считают принимаемые меры неэффективными. А в число используемых буллерами мер входит двухфакторная аутентификация, режим невидимки (анонимность), ограничение доступа к профилям в социальных сетях, т.е. специфика кибербуллинга предполагает большую обеспокоенность буллеров об анонимности и мерами безопасности.

Далее рассмотрим специфику виртуальной коммуникации жертв.

Частота подверженности кибербуллингу: 39% респондентов имели эпизодичный опыт кибертравли и 61% респондентов имели опыт столкновения больше одного раза. Систематичный опыт столкновения с виртуальной травлей может свидетельствовать о виктимности испытуемых.

К числу форм травли, с которыми сталкивались испытуемые-жертвы, относятся использование личной информации, домогательства, шантаж, флейминг и хейтинг (рис. 1).

Мы видим, что в равной степени испытуемые подвергались шантажу (35%) и использованию личной информации (35%). Эти данные могут позволить нам составить программу, в которой пользователи найдут информацию о данных формах кибербуллинга, формировании безопасности личной информации в Сети, а также советы по реагированию на ситуации шантажа, домогательств и других негативных воздействий.

Говоря об эмоциональной реакции жертв на кибербуллинг, 48% испытуемых испытывали агрессию, у 30% не была выражена эмоциональная реакция, а 22% испытуемых испытывали страх, тревогу от ситуации. Говоря об эмоциях жертв, именно агрессивная реакция на ситуацию кибербуллинга может быть триггером для ответной реакции буллеру.

Больше половины опрошенных предпочитают занести анонимного буллера в черный список, у 26% отсутствует реакция на повторную кибертравлю, что может являться своеобразной копинг-стратегией избегания и лишь 17% отвечают буллеру в агрессивной форме.

Рефлексируя о возможных целях кибертравли, испытуемые-жертвы в большинстве (52% опрошенных) выбирают травлю как способ самоутверждения, 22% считают ее способом развлечения буллера, 17% считают целью личные мотивы и лишь 9% предполагают, что информация в их профиле является истинной причиной кибербуллинга.

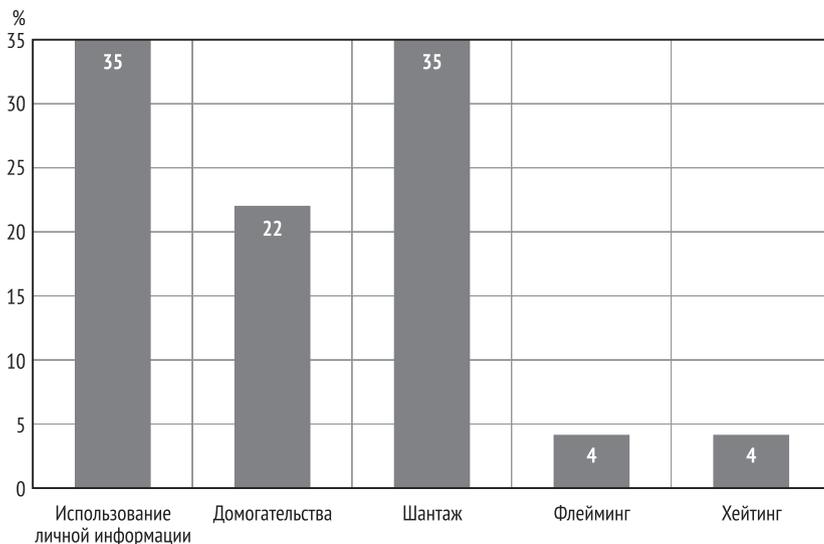


Рис. 1. Формы кибертравли

Вышесказанное позволяет сделать вывод, что 70% испытуемых сомнительно относятся к мерам киберзащиты. В основном они сталкивались с систематической травлей в форме использования личной информации и шантажа. Основным реактивным откликом служит агрессия, а при повторной травле агрессивной отклик снижается. Среди мер борьбы можно выделить занесение буллера в черный список, а говоря о мотивах буллера, большинство опрошенных выбирают травлю как способ самоутверждения.

Почти половина опрошенных занималась кибербуллингом несколько раз, 23% травили систематически, для 30% кибербуллинг был единичным эпизодом.

Для 40% опрошенных-буллеров виртуальная травля являлась своеобразным развлечением. В равном процентном соотношении (30%) для буллеров это был способ самоутверждения и личная цель.

Больше половины опрошенных-буллеров не считают свои действия «вредными» для морально-психологического состояния и не чувствуют вины за кибербуллинг. Оценка буллером своих действий носит субъективный характер и может свидетельствовать об особенностях эмпатии.

Говоря о виртуальной коммуникации, можно отметить, что испытуемые-буллеры в большей степени обеспокоены собственной интернет-безопасностью и считают ее действенной. В число используемых буллерами мер входит двухфакторная аутентификация (метод идентификации

пользователя, обеспечивающий эффективную защиту его аккаунта от возможного проникновения), режим невидимки (анонимность), ограничение доступа к профилям в социальных сетях. Испытуемые-жертвы в меньшей степени наделяют эффективностью выбранные методы защиты (двухфакторная аутентификация, закрытый доступ к профилю в социальных сетях, использование VPN).

В зависимости от специфики виртуальной коммуникации и особенностей субъектов меняются формы кибертравли. В нашем случае анализ анкеты показал равную степень подверженности жертв таким формам травли, как использование личной информации (35%) и шантаж (35%). В меньшей степени испытуемые подвергались домогательствам (22%) флеймингу и хейтингу.

Цели кибертравли со стороны испытуемых-буллеров имеют развлекательный характер (40%), в равной степени личный характер (30%) и самоутверждение (30%).

Анализ рефлексии жертв на ситуации кибербуллинга показал, что 48% испытуемых испытывали агрессию, у 30% не была выражена эмоциональная реакция, а 22% испытывали страх, тревогу от ситуации. При повторной ситуации кибербуллинга 57% опрошенных жертв предпочитают занести анонимного буллера в черный список, у 26% отсутствует реакция на повторную кибертравлю, и лишь 17% отвечают буллеру в агрессивной форме.

Обсуждение результатов

Рефлексия буллеров относительно влияния собственных действий на жертву/жертв представляет собой следующую картину: больше половины опрошенных буллеров не считают свои действия «вредными» для морально-психологического состояния и не чувствуют вины за кибербуллинг.

Полученная информация при интерпретации анкетирования является источником знаний об актуальных особенностях кибербуллинга. В дальнейшем она будет использована как основа для разработки программы помощи и профилактики.

Данные, полученные при анализе психодиагностических методик, позволяют судить о том, что испытуемые-буллеры в большей степени обладают развитыми навыками критического мышления. Навык межличностного эмоционального интеллекта является для них инструментом достижения поставленных целей, в том числе негативного воздействия в интернет-среде. Показатели жертв в основном нормативны

и их невыраженность является одной из возможных причин уязвимости к негативному виртуальному воздействию буллеров.

Корреляционный анализ не выявил значимых прямых и обратных связей между эмоциональным интеллектом и рефлексивностью жертв. Поэтому у большинства испытуемых-жертв показатели эмоционального интеллекта недостаточно сформированы для более эффективного взаимодействия в конфликтных ситуациях в сети и оценки собственных коммуникативных навыков для рационального эмоционального реагирования.

Выявленные значимые различия двух групп испытуемых по показателю «эмоциональный интеллект», полученные с помощью критерия Манна–Уитни, установили, что эти показатели находятся на разном уровне сформированности у жертв и буллеров кибербуллинга.

Корреляционный анализ в первую очередь проведен внутри методики эмоционального интеллекта (ЭМИн), а также между данной методикой, опросником рефлексивности А.В. Карпова у жертв и буллеров кибербуллинга. Корреляционные матрицы были составлены с помощью программы «SPSS Statistics».

Результаты корреляционного анализа (χ^2 -критерий Пирсона) (жертвы кибербуллинга) приведены в табл. 1.

Таблица 1

**Результаты корреляционного анализа
между параметрами эмоционального интеллекта
(жертвы кибербуллинга)**

Параметры эмоционального интеллекта	Межличностный эмоциональный интеллект	Внутренний эмоциональный интеллект	Понимание эмоций	Управление эмоциями
Межличностный эмоциональный интеллект	1,000	-0,064	0,586*	-0,069
Внутренний эмоциональный интеллект	-0,064	1,000	0,476*	0,711*
Понимание эмоций	0,586	0,476*	1,000	0,136
Управление эмоциями	-0,069	0,711	0,136	1,000

* Корреляция значима на уровне 0,01.

Прямая корреляционная связь была обнаружена между шкалами «Межличностный эмоциональный интеллект» и «Понимание эмоций» ($p \leq 0,001$), т.е. чем выше у жертв склонность к пониманию эмоций других людей и управлению ими, тем выше способность к пониманию своих эмоций. «Внутренний эмоциональный интеллект» и «Понимание эмоций» ($p \leq 0,001$) имеют прямую корреляционную связь, т.е. чем выше у жертв способность к пониманию собственных эмоций и управлению ими, тем выше способность понимания своих и чужих эмоций. Также прямую корреляционную связь имеют шкалы «Внутренний эмоциональный интеллект» и «Управление эмоциями» ($p \leq 0,001$). Это говорит о том, что, чем выше у жертв способность к пониманию собственных эмоций и управлению ими, тем выше способность к управлению своими и чужими эмоциями. Обратной корреляционной связи не обнаружено.

Результаты корреляционного анализа (χ^2 -критерий Пирсона) (буллеты) приведены в табл. 2.

Таблица 2

**Результаты корреляционного анализа
между параметрами эмоционального интеллекта (буллеты)**

Параметры эмоционального интеллекта	Межличностный эмоциональный интеллект	Внутренний эмоциональный интеллект	Понимание эмоций	Управление эмоциями
Межличностный эмоциональный интеллект	1,000	0,518*	0,839*	0,559*
Внутренний эмоциональный интеллект	0,518	1,000	0,789*	0,895*
Понимание эмоций	0,839	0,789	1,000	0,719*
Управление эмоциями	0,559	0,895	0,719	1,000

* Корреляция значима на уровне 0,01.

Прямая корреляционная связь была обнаружена между шкалами «Межличностный эмоциональный интеллект» и «Внутренний эмоциональный интеллект» ($p \leq 0,001$), это говорит о том, что чем выше у буллетов склонность к пониманию эмоций других людей и управлению ими, тем выше способность к пониманию собственных эмоций и управлению ими.

«Межличностный эмоциональный интеллект» и «Понимание эмоций» ($p \leq 0,01$) имеет прямую корреляционную связь, т.е. чем выше у буллеров склонность к пониманию эмоций других людей и управлению ими, тем выше способность к пониманию своих эмоций.

Прямая корреляционная связь между шкалами «Межличностный эмоциональный интеллект» и «Управление эмоциями» ($p \leq 0,01$) свидетельствует о том, что чем выше у буллеров склонность к пониманию эмоций других людей и управлению ими, тем выше способность к управлению собственными эмоциями и эмоциями других людей.

«Внутренний эмоциональный интеллект» и «Понимание эмоций» ($p \leq 0,01$) имеют прямую корреляционную связь и свидетельствуют, что чем выше у буллеров способность к пониманию собственных эмоций и управлению ими, тем выше способность понимания своих и чужих эмоций.

«Внутренний эмоциональный интеллект» также имеет прямую корреляционную связь со шкалой «Управление эмоциями» ($p \leq 0,01$). Это говорит о том, что чем выше у буллеров способность к пониманию собственных эмоций и управлению ими, тем выше способность к управлению своими и чужими эмоциями. Прямую корреляционную связь имеют шкалы «Понимание эмоций» и «Управление эмоциями» ($p \leq 0,001$), т.е. чем выше понимание своих и чужих эмоций, тем выше способность к их управлению.

Заключение

Говоря о современном обществе, трудно представить себе жизнь людей без виртуальной коммуникации. Социальные сети и мессенджеры являются эффективными инструментами не только для коммуникации, но и для самопрезентации, социализации, выстраивания профессиональных взаимоотношений, а также для поиска информации. Вместе с тем, расширение технических возможностей привело не только к более эффективному использованию мессенджеров, дейтинг-приложений и социальных сетей, но и к формированию негативных воздействий, например, к феномену кибербуллинга, который распространился по всему миру.

В нашей работе мы постарались более детально изучить и проанализировать проблему кибербуллинга, которая определялась спецификой студенческого возраста. Актуальность данной работы связана прежде всего с тем, что большинство исследований, касающихся понятия кибербуллинга и его свойств, находятся в разработке зарубежных ученых и публикуются на зарубежных ресурсах. Говоря об отечественном

понимании проблемы, мы видим лишь публикации о распространенности кибербуллинга и его негативных последствиях для человека. Также многие работы рассматривают подростков в качестве возрастной группы, которая более чувствительна негативному виртуальному воздействию, с чем сложно не согласиться. Но мы считали важным рассмотреть студенческий возраст по следующим причинам:

1) студенты являются активными пользователями социальных сетей, мессенджеров, дейтинг-приложений и форумов;

2) межличностные взаимодействия в студенческом возрасте определяются возрастными особенностями и носят сложный многогранный характер.

Резюмируя вышесказанное, можно сказать, что исследуемый нами феномен кибербуллинга является достаточно актуальной социальной проблемой среди разных возрастных групп. Представляется важным рассмотреть именно студенческий возраст и возможные предикторы возникновения ситуации кибербуллинга. Отметим, что на сегодняшний день в отечественной психологии и других смежных областях существует не так много исследований по данной тематике.

В процессе анализа установлено, что феномен кибербуллинга обладает рядом особенностей, включающих характеристики субъектов кибербуллинга жертв и буллеров, механизмы взаимодействия, а также классификацию форм их взаимодействия.

Вышесказанное позволяет сделать выводы о том, что буллеры более компетентны в вопросах виртуальной безопасности и считают принятые меры эффективными. В основном респонденты-буллеры принимали участие в нескольких эпизодичных травлях. К кибербуллингу преимущественно относятся как к способу развлечения и считают, что он не воздействует на морально-психологическое состояние жертв, и, соответственно, не чувствуют вины за происходящее.

Рассмотренные особенности виртуальной коммуникации жертв и буллеров позволили сформировать общую картину ролевой структуры кибербуллинга в Сети для дальнейшего исследования их когнитивной сферы и разработки стратегии помощи.

Библиографический список / References

1. Алимбаева Р.Т., Есназарова Л.У. Теоретические аспекты эмоционального интеллекта // *Инновационная наука*. 2017. № 3. С. 241–243. [Alimbaeva R.T., Esnazarova L.U. Theoretical aspects of emotional intelligence. *Innovative Science*. 2017. No. 3. Pp. 241–243. (In Rus.)]
2. Андерсон Дж. Когнитивная психология. СПб., 2002. [Anderson J. *Kognitivnaya psikhologiya* [Cognitive Psychology]. St. Petersburg, 2002.]

3. Бочавер А.А., Хломов К.Д. Кибербуллинг: травля в пространстве современных технологий // Психология. Журнал Высшей школы экономики. 2014. Т. 11. № 3. С. 55–61. [Bochaver A.A., Khlomov K.D. Cyberbullying: Bullying in the space of modern technologies. *Psychology. Journal of the Higher School of Economics*. 2014. Vol. 11. No. 3. Pp. 55–61. (In Rus.)]
4. Волкова Е.Н., Волкова И.В., Голубовская А.С. Обзор зарубежных исследований по проблеме кибербуллинга среди подростков и молодежи // Теоретическая и экспериментальная психология. 2019. Т. 12. № 2. С. 71–81. [Volkova E.N., Volkova I.V., Golubovskaya A.S. Review of foreign studies on the problem of cyberbullying among adolescents and young people. *Theoretical and Experimental Psychology*. 2019. Vol. 12. No. 2. Pp. 71–81. (In Rus.)]
5. Дайнека О.С., Духанина Л.Н., Максименко А.А. Кибербуллинг и виктимизация: обзор зарубежных публикаций // Перспективы науки и образования. 2020. Т. 47. № 5. С. 273–292. [Daineka O.S., Dukhanina L.N., Maksimenko A.A. Cyberbullying and victimization: A review of foreign publications. *Perspectives of Science and Education*. 2020. Vol. 47. No. 5. Pp. 273–292. (In Rus.)]
6. Ефимова Е.С. Кибербуллинг как проблема психопедагогики виртуальных сред // Успехи в химии и химической технологии. 2014. Т. 28. № 7 (156). С. 65–66. [Efimova E.S. Cyberbullying as a problem of psychopedagogy of virtual environments. *Uspekhi v khimii i khimicheskoy tekhnologii*. 2014. Vol. 28. No. 7 (156). P. 65–66. (In Rus.)]
7. Илюкович Т.С. Электронная вербальная травля интернет-пользователя // Научные исследования в современном мире: теория, методология, практика: сборник статей по материалам международной научно-практической конференции. Уфа, 2019. Ч. 2. С. 191–196. [Ilyukovich T.S. Electronic verbal bullying of an Internet user. *Nauchnye issledovaniya v sovremennom mire: teoriya, metodologiya, praktika*. Ufa, 2019. Vol. 2. Pp. 191–196. (In Rus.)]
8. Исаева О.М., Савинова С.Ю. Развитие эмоционального интеллекта: обзор исследований // Современная зарубежная психология. 2021. Т. 10. № 1. С. 105–116. DOI: 10.17759/jmfp.202110011 [Isaeva O.M., Savinova S.Yu. Development of emotional intelligence: A review of research. *Journal of Modern Foreign Psychology*. 2021. Vol. 10. No. 1. Pp. 105–116. (In Rus.). DOI: 10.17759/jmfp.202110011]
9. Карпов А.В. Рефлексивность как психическое свойство и методика ее диагностики // Психологический журнал. 2003. Т. 24. № 5. С. 45–57. [Karpov A.V. Reflexivity as a mental property and the method of its diagnostics. *Psikhologicheskii Zhurnal*. 2003. Vol. 24. No. 5. Pp. 45–57. (In Rus.)]
10. Кирюхина Д.В. Кибербуллинг среди молодых пользователей социальных сетей // Современная зарубежная психология. 2019. Т. 8. № 3. С. 53–59. DOI: 10.17759/jmfp.2019080306 [Kiryukhina D.V. Cyberbullying among young users of social networks. *Journal of Modern Foreign Psychology*. 2019. Vol. 8. No. 3. Pp. 53–59. (In Rus.). DOI: 10.17759/jmfp.2019080306]
11. Князева М.С. Характеристика основных видов кибербуллинга // Нравственное воспитание в современном мире: психологический и педагогический аспект: сборник статей по итогам Международной научно-

- практической конференции. Уфа, 2019. С. 62–64. [Knyazeva M.S. Characteristics of the main types of cyberbullying. *Nravstvennoe vospitanie v sovremennom mire: psikhologicheskii i pedagogicheskii aspekt*. Ufa, 2019. Pp. 62–64. (In Rus.)]
12. Кобец П.Н. Противодействие угрозам киберсталкинга – важнейшей проблеме, исследуемой в рамках совершенствования аспектов информационной безопасности регионов в условиях глобализации информационного пространства // Вестник Прикамского социального института. 2017. № 1 (76). С. 27–35. [Kobets P.N. Counteracting cyberstalking threats – the most important problem studied in the context of improving aspects of information security of regions in the context of globalization of the information space. *Bulletin of Prikamsky Social Institute*. 2017. No. 1 (76). Pp. 27–35. (In Rus.)]
 13. Кочетова Ю.А., Климакова М.В. Методы диагностики эмоционального интеллекта // Современная зарубежная психология. 2019. Т. 8. № 4. С. 106–114. [Kochetova Yu.A., Klimakova M.V. Methods of diagnostics of emotional intelligence. *Journal of Modern Foreign Psychology*. 2019. Vol. 2. No. 4. Pp. 106–114. (In Rus.)]
 14. Кочетова Ю.А., Климакова М.В. Эмоциональный интеллект в условиях информационного общества и кибербуллинга // Мир науки. Педагогика и психология. 2019. Т. 7. № 2. С. 1–6. [Kochetova Yu.A., Klimakova M.V. Emotional intelligence in the context of the information society and cyberbullying. *World of Science. Pedagogy and Psychology*. 2019. Vol. 7. No. 2. Pp. 1–6. (In Rus.)]
 15. Крайторов А.Н. Эмоциональный интеллект как интегративный феномен психологического знания в структуре социального и общего интеллекта // Научный альманах. 2017. № 4-2. С. 212–215. [Kraytorov A.N. Emotional intelligence as an integrative phenomenon of psychological knowledge in the structure of social and general intelligence. *Science Almanac*. 2017. No. 4-2. Pp. 212–215. (In Rus.)]
 16. Лучинкина А.И. Психологический анализ отклонений в процессе интернет-социализации личности // Гуманитарные науки. 2016. № 1 (33). С. 54–62. [Luchinkina A.I. Psychological analysis of deviations in the process of Internet socialization of the individual. *Humanities*. 2016. No. 1 (33). Pp. 54–62. (In Rus.)]
 17. Люсин Д.В. Новая методика для измерения эмоционального интеллекта: опросник ЭмИн // Психологическая диагностика. 2006. Т. 4. С. 3–22. [Lyusin D.V. New method for measuring emotional intelligence: The EmIn questionnaire. *Psikhologicheskaya diagnostika*. 2006. Vol. 4. Pp. 3–22. (In Rus.)]
 18. Макарова Е.А., Макарова Е.Л., Махрина Е.А. Психологические особенности кибербуллинга как формы интернет-преступления // Российский психологический журнал. 2016. Т. 13. № 3. С. 293–311. [Makarova E.A., Makarova E.L., Makhrina E.A. Psychological features of cyberbullying as a form of Internet crime. *Russian Psychological Journal*. 2016. Vol. 13. No. 3. Pp. 293–311. (In Rus.)]
 19. Минакова Г.К., Хохлова В.Д. Кибербуллинг и его виды в современном интернет-пространстве // Столица науки. 2020. № 6 (23). С. 426–433.

- [Minakova G.K., Khokhlova V.D. Cyberbullying and its types in the modern Internet space. *Capital of Science*. 2020. No. 6 (23). Pp. 426–433. (In Rus..)]
20. Насибуллин И.Р. Профилактика кибербуллинга среди подростков и молодежи в эпоху интернет-технологий // Молодежная политика России в контексте глобальных мировых перемен: материалы международной научно-практической конференции / под ред. Г.В. Ковалевой. СПб., 2018. С. 277–279. [Nasibullin I.R. Prevention of cyberbullying among teenagers and young people in the era of Internet technologies. *Molodezhnaya politika Rossii v kontekste globalnykh mirovykh peremen* G.V. Kovaleva (ed.). St. Petersburg, 2018. Pp. 277–279. (In Rus..)]
 21. Солдатова Г.У., Рассказова Е.И., Нестик Т.А. Цифровое поколение России: компетентность и безопасность. М., 2017. [Soldatova G.U., Rasskazova E.I., Nestik T.A. Tsifrovoye pokolenie Rossii: Kompetentnost i bezopasnost [Digital generation of Russia: competence and security]. Moscow, 2017.]
 22. Солсо Р. Когнитивная психология. 6-е изд. СПб., 2011. [Solso R. Kognitivnaya psikhologiya [Cognitive Psychology]. St. Petersburg, 2011.]
 23. Faucher C., Jackson M., Cassidy W. Cyberbullying among university students: Gendered experiences, impacts, and perspectives. *Education Research International*. 2014. Vol. 1. Pp. 1–10.
 24. Kowalski R. Bullying in the digital age: A critical review and meta-analysis of cyberbullying research among us. *Psychological Bulletin*. 2014. No. 4 (140). Pp. 1073–1137.

Статья поступила в редакцию 27.07.2024, принята к публикации 09.09.2024

The article was received on 27.07.2024, accepted for publication 09.09.2024

Сведения об авторах / About the authors

Пучкова Елена Борисовна – кандидат психологических наук, доцент; заведующий кафедрой психологии труда и психологического консультирования Института педагогики и психологии, Московский педагогический государственный университет

Elena B. Puchkova – PhD in Psychology; Head at the Department of Labor Psychology and Psychological Counseling of the Institute of Pedagogy and Psychology, Moscow Pedagogical State University

E-mail: eb.puchkova@mpgu.su

Чердымова Елена Ивановна – доктор психологических наук; профессор кафедры социологии и культурологии факультета социологии Социально-гуманитарного института, Самарский национальный исследовательский университет имени академика С.П. Королева

Elena I. Cherdymova – Dr. Psychology Hab.; Professor at the Department of Sociology and Cultural Studies of the Faculty of Sociology of the Social and Humanitarian Institute, Samara National Research University

E-mail: cheiv77@mail.ru

Сорокоумова Елена Александровна – доктор психологических наук, профессор; профессор кафедры психологии труда и психологического консультирования Института педагогики и психологии, Московский педагогический государственный университет

Elena A. Sorokoumova – Dr. Hab. in Psychology, Professor; Professor at the Department of Labor Psychology and Psychological Counseling of the Institute of Pedagogy and Psychology, Moscow Pedagogical State University

E-mail: cea51@mail.ru

Зайцева Дарья Дмитриевна – магистр психолого-педагогического образования; учитель школы № 1279 «Эврика», г. Москва

Darya D. Zaitseva – master of Psychological and Pedagogical Education; teacher of School No. 1279 “Eureka”, Moscow

E-mail: zaycevadd@evrika1279.ru

Заявленный вклад авторов

Е.Б. Пучкова – организация сбора и обработка эмпирических данных, участие в подготовке текста статьи, отбор и анализ источников по теме исследования

Е.И. Чердымова – разработка концепции обзора проблемы, участие в написании и подготовке текста статьи

Е.А. Сорокоумова – разработка концепции обзора проблемы, участие в написании и подготовке текста статьи

Д.Д. Зайцева – организация сбора и обработка эмпирических данных, участие в подготовке текста статьи, отбор и анализ источников по теме исследования

Contribution of the authors

E.B. Puchkova – organization of collection and processing of empirical data, participation in preparation of the text of the article, selection and analysis of sources on the research topic

E.I. Cherdymova – development of the concept of the problem review, participation in writing and preparation of the text of the article

E.A. Sorokoumova – development of the concept of the problem review, participation in writing and preparation of the text of the article

D.D. Zaitseva – organization of collection and processing of empirical data, participation in preparation of the text of the article, selection and analysis of sources on the research topic

Все авторы прочитали и одобрили окончательный вариант рукописи
All authors have read and approved the final manuscript